

ТРЕТИЙ ЭТАП ФОРМИРОВАНИЯ ТОПОНИМИИ ВИТЕБЩИНЫ

В.М. Генкин
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Изучение региональной ономастической системы сопряжено, помимо прочего, с необходимостью выявления и описания основных, наиболее значимых периодов ее формирования, так как именно поэтапный диахронический подход позволяет лучше понять номинативную логику, которая в первую очередь обуславливается потребностями своей эпохи. Есть все основания полагать, что каждый из структурных и семантических типов географических названий либо почти полностью был сформирован в тот или иной исторический период, либо проявлял особую активность в пределах его временных рамок.

В проведенных ранее исследованиях мы определили, что первый этап формирования региональной топонимии был наиболее длительным и завершился ориентировочно к началу IX века. Дефицит точных исторических источников не позволяет дать полную детальную характеристику этому периоду, тем не менее, можно утверждать, что он особенно ярко отразился на гидронимии, через посредство которой вошел в состав других топонимных пластов. Одной из отличительных черт первого периода является большой процент субстратных названий, как правило трудно поддающихся этимологизации.

На протяжении второго этапа, начавшегося в IX столетии и продлившегося примерно пять веков, начинает постепенно формироваться система ойконимов, что объясняется ростом числа населения и увеличения количества населенных пунктов. Именно к этому периоду относятся названия наиболее древних и крупных поселений региона (хотя, заметим в скобках, часть из них, возможно, имеет и более глубокие исторические корни).

Актуальность исследования обусловлена недостаточным уровнем изученности витебской топонимии в диахроническом аспекте, отсутствием классификации исторических периодов ее формирования и, как следствие, неполным представлением о закономерностях развития системы региональных географических названий.

Цель данного исследования – определить временные рамки и охарактеризовать особенности третьего этапа становления региональной топонимной системы.

Материал и методы. Материал исследования накапливался в результате многолетней работы с различными лексикографическими и историческими источниками, географическими картами разных лет издания и дополнялся во время полевых экспедиций. Выбор общенаучных и частных методов, использованных в ходе работы, обусловлен поставленными целями и задачами. Наиболее продуктивными оказались такие виды анализа, как семантический, этимологический, структурно-грамматический и исторический.

Результаты и их обсуждение. Анализ имеющихся источников показал, что третий период, вероятнее всего, можно датировать XIV–XVII веками. Именно в это время происходит формирование значительной части региональной топонимии, в первую очередь комонимии. Частное землепользование, развивавшееся в эту эпоху, расселение крестьян и представителей иных профессий и ремесел, земельная реформа XVI столетия стали факторами существенного увеличения числа населенных пунктов. Многочисленность небольших по количеству жителей поселений, в частности поселений хуторского типа, так называемых *дворов* и т.п. (что особенно характерно для северо-запада региона), а также актуальная потребность в именовании не только самих мест проживания, но и связанных с ними территорий и объектов (обрабатываемых земельных, используемых в хозяйственных целях лесных и иных участков, мест добычи и переработки ископаемых, небольших водоемов, путей сообщения, переправ и т.п.) естественным образом активизировали и разнообразили номинативные процессы. На относительно небольших территориях нужно было различно дифференцированно именовать несколько десятков и даже сотен объектов.

Потребность в разнообразных формах именовании удовлетворялась путем значительного увеличения числа как топонимообразующих основ, так и присоединяемых к ним топоформантов. Говоря о топоосновах этой эпохи, отметим следующий факт: ведущую роль в формировании топонимной системы начинают играть антропоосновы, которые в более старых названиях

встречались sporadически: если для первых двух периодов характерно преобладание названий отгидронимного и ландшафтного типов, то теперь ключевым фактором номинации становится человек: в топонимах отражаются его личное имя, национальная принадлежность, род занятий, социальный статус и др. Можно однозначно утверждать, что третий этап отличается от предыдущих своей явной антропоцентричностью.

Образование топонимов на базе антропооснов предполагает использование в процессе деривации соответствующих, семантически с ними связанных формантов. До сих пор в ойконимии Витебщины преобладают названия с посессивными и смежными с ними по семантике суффиксами. Около 21% ойконимов региона оформлены суффиксами *-ова, -ева, -ава* и *-іна, -ына*, имеющими значение личной принадлежности, причем некоторые названия, даже с учетом существенного сокращения числа поселений, наблюдавшемся на протяжении последнего столетия, повторяются: *Янова* (8 населенных пунктов), *Александрова* (6) *Адамова, Антанова, Абухава, Кавалёва, Мазурына* (по 5), *Баброва, Багданава, Добрына, Зайцава, Казімірова, Канавалава, Кісялёва, Кулакова, Латыгава, Ліпава, Станіславава, Юзафова* (по 4), *Барадзіно, Воўкава, Ганчарова, Дзегцярова, Дудчына, Іванова, Казакова, Латышова, Міхайлова, Міхалова, Мікуліна, Рагозіна, Сарочына, Тадуліна, Хлусава, Якубова* (по 3) и т.д.

Как видно из этих и других примеров, в качестве топонимобразующих основ выступают:

– христианские личные (преимущественно мужские) имена и их варианты: *Ян, Александр, Адам, Антон, Богдан, Иван, Якуб, Казимир* и др. (обратим внимание на наличие здесь и далее имен, принадлежащих православному и католическому именованию);

– дохристианские личные имена: *Заяц, Кисель, Кулак, Бобр, Борода, Волк* и т.д.;

– этнонимы: *мазур, латыш, латыголь* и др.;

– названия лиц по профессии, роду занятий: *коваль, коновал, дегтяр, гончар* и т.д.

Вторую позицию по продуктивности с показателем 6,15% занимает формант *-ичына* (*-оўичына, -еўичына*), который, начиная с анализируемого исторического периода, используется преимущественно для обозначения наследуемых или приобретаемых земельных участков, урочищ и др. Позднее такие названия переносятся в ойконимию, где уже именуют расположенные на этих участках поселения: *Абрамаўичына, Альхімаўичына, Баранаўичына, Гаспараўичына, Макаричына, Юркаўичына, Якубаўичына* и т.п.

Из других топосуффиксов с преимущественно отантропонимным словообразованием нужно выделить форманты:

-ічы, -ычы (указывали на коллектив наследников того или иного лица): *Алексінічы, Амбросавічы, Васькавічы, Ганкавічы, Давыдкавічы, Курылавічы* и т.д.

-ішкі, -ышкі (адаптированный белорусской топонимией литовский элемент): *Адамішкі, Барбарышкі, Відзішкі, Кавалішкі* и др.

-онкі, -енкі: *Адаменкі, Дзянісенкі, Марчонкі, Тарасенкі* и др.

О переориентации номинативных приоритетов в топонимии региона на антропоцентрический подход свидетельствует еще один важнейший фактор – изменение значения и функциональной нагрузки формантов, начавшееся в рассматриваемый период. Так, например, суффикс *-оўка, -еўка*, ранее преимущественно гидронимный и соединяемый с апеллятивными основами (*Арэхаўка, Асінаўка, Бярозаўка, Сасноўка* и т.д.), теперь все чаще образует названия населенных пунктов на базе антропооснов: *Адамаўка, Багданаўка, Базылёўка, Казіміраўка, Навумаўка, Тарасаўка* и др.

Заключение. Третий этап формирования топонимной системы Витебщины происходил на протяжении XIV–XVII столетий и характеризовался следующими ярко выраженными тенденциями:

1) значительным увеличением числа населенных пунктов, повлекшее за собой расширение номинативных показателей – увеличение числа лексем и служебных словообразовательных элементов, используемых ономопроизводстве;

2) изменением номинативных приоритетов в пользу антропоцентрического принципа именования поселений и иных объектов.